

Дмитрий Юрьевич Суслин

Волчонок Ваня

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128950

Аннотация

Повесть «Волчонок Ваня» это одновременно мистический триллер в духе Стивена Кинга и притча схожая с произведениями Вильяма Голдинга. Она могла бы стать всего лишь очередной историей про оборотней. Ужастик, если бы... если бы все не получилось так реально и трагично. И больше всего потрясает в этой повести то, что в оборотня превращается девятилетний мальчик.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дмитрий Суслин

Волчонок Ваня

повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

По гладкой и блестящей от дождя дороге мчалась новенькая, словно сошедшая с конвейера, «Волга». Ее водитель спешил и поэтому сильно разогнал машину. Несколько минут назад наступила полночь, и свет машинных фар не рассеивал ночной мрак, а, напротив, сгущал его еще больше. А в небе от «Волги» не отставала луна. Она отражалась в зеркале дороги и внимательно следила за лихой машиной.

Вскоре, однако, бешеная гонка закончилась. Водителю не повезло. Из-за группы деревьев, росших прямо у дороги, мягко шурша колесами о мокрую траву, выкатил газик дорожного инспектора.

Волга сразу остановилась. Газик догнал ее. Водители вышли из машин и завели скучный деловой разговор, который впрочем, быстро кончился договоренностью обеих сторон.

Волга поехала дальше, а инспектор остался на месте и долго смотрел ей вслед. Ему стало скучно. На том участке, который ему приходилось курировать, и днем было мало транспорта, а ночью и вовсе приходилось выжидать нарушителей, как охотнику дичь. В руке инспектора хрустнули несколько денежных купюр. Он вспомнил про них, пересчитал и удовлетворенно улыбнулся. Спрятал деньги в карман и замер на месте, потому что увидел перед собой большую собаку. Очень большую собаку. Инспектор сначала удивился: он никогда не видел таких огромных собак, а уж потом испугался.

Но этот человек был не из тех, кто теряется в сложных ситуациях. Служба в ГАИ его многому научила. Он замер на месте, не спуская с пса глаз и внимательно следя за всеми его действиями.

Пес не шевелился. Он стоял, словно был сделан из куска мрамора. Ни одна шерстинка на его лоснящейся шкуре не шевелилась. Жили только одни глаза. Они жили и горели ясным желтым огнем.

Инспектор открыл дверь Газика и осторожно поднял ногу на подножку. Что произошло дальше, он через несколько минут даже не смог вспомнить, но молниеносным движением, какое можно сделать только единственный раз в жизни, он оказался в машине.

Хлопнула закрывшаяся дверца. Инспектор облегченно вздохнул.

Струйка холодного липкого пота неприятно пробежала по спине.

Пес остался на месте. Он был так же неподвижен, как и прежде. Его не интересовал человек с его страхами и сомнениями. Он был мудр и красив на фоне этой ночи. Желтые глаза взглянули на инспектора сквозь лобовое стекло лишь на долю секунды, затем они прошили его насквозь, словно человек тоже был из стекла, и в них снова воцарилась вечность.

Инспектор никогда не видел, чтобы собаки так смотрели на людей, и ему даже стало немного обидно. Но только на секунду. Затем он вспомнил, где он и почему здесь находится, и включил зажигание, ругая себя за слишком большое количество выкуренных в последние два часа сигарет.

– Черт знает, что может показаться, – пробормотал он с досадой и тронулся с места.

Человеку вдруг захотелось отомстить за страх, который он испытал несколько мгновений назад. Первым желанием его было вынуть из кобуры пистолет, выйти из машины и пристрелить пса. Но благоразумие быстро возобладало. Устраивать ночью пальбу! Потом не

отпишешься. Поэтому вместо стрельбы инспектор решил довольствоваться тем, что только попугает наглое животное.

Но когда он отъехал на несколько метров, вся обида инспектора куда-то испарилась. Он просто выругался покрепче и нажал на газ. Через несколько минут настроение и вовсе наладилось, инспектор даже засвистел веселый мотивчик. Наконец он просто рассмеялся звонко и заливисто, как мальчишка.

И вдруг в голове у него словно молния вспыхнули детские воспоминания. Он вырос в деревне и часто ходил с отцом в лес. И однажды они встретили волка...

«ВОЛК!» – эта мысль прозвучала в мозгу словно выстрел.

Инспектор заерзал на сиденье, затем резко повернул машину и помчался на то место, где увидел волка.

В том, что это был волк, инспектор не сомневался.

Машина резко затормозила. Взвизгнули шины. Инспектор чуть не стукнулся о лобовое стекло, а чертик на шелковом шнурке задергался, как сумасшедший. Инспектор расстегнул кобуру и вынул оружие. Осторожно вылез из машины и стал оглядывать окрестности. Волка нигде не было. Поиски ни к чему не привели. Инспектор сильно рисковал, был момент, когда он даже решился на осмотр окрестных кустарников.

Сезон охоты на волков еще не наступил. Инспектор знал это. Но он также знал, что в этих местах волков быть не должно. Потому что в трех километрах протекала Волга, и по всему ее побережью расположены детские летние лагеря отдыха. Они стоят, можно сказать, прямо посреди леса. Соседство с волком им вряд ли понравится.

Поиски оказались безрезультатными. Не найдя даже следов волка, инспектор вернулся в машину и взялся за трубку радиотелефона.

Уже на следующий день над участком инспектора стал кружить пожарный вертолет. Увидев его, инспектор приободрился. Он не ожидал такой оперативности. Потом он увидел двух егерей с двустволками.

Значит, тревогу все-таки подняли.

* * *

Дверь открылась, и Маша втокнула в нее Ваню Никаншина.

– Воспитывай, – ядовитым голосом сказала она, – ты же у нас воспитатель.

Роману захотелось убить их обоих. Последние два дня он умирал от недосыпания, и вот теперь ему снова не дают спать. Он с тоской посмотрел на мучителей и встал с постели. В ярости сжал кулаки. Ему захотелось наругать Маше, но ее уже не было. Остался один Ваня.

Этого ребенка Роман ненавидел всей душой, как только можно ненавидеть восьмилетнего мальчика. Он был глубоко уверен, что Ваня сын сатаны, дьявола, черта или кого угодно, но не нормальных родителей. В этом Роман не сомневался. Хотя, когда он впервые увидел мальчика – это случилось в день заезда, и Ваня оказался первым мальчиком в списке его отряда, – то подумал, что наверно, именно с таких детей в старину рисовали ангелов на рождественских открытках. У него были огромные голубые глаза, светившиеся чистотой и невинностью, слегка пухленькие румяные щечки, и сам он был весь чистенький, гладенький и аккуратный.

Не верилось, что это детдомовский ребенок.

Этим летом в лагеря района распределялись дети-сироты из интернатов области. В лагерь «Буревестник», в котором работал Роман, тоже были отправлены десять таких детей. Кроме того, еще существовал отряд из детей, приехавших из Чернобыльской зоны, из Белоруссии или Украины, Роман точно не помнил, его это не интересовало. С теми детьми он не работал.

Ваня был из детдома. Его привезла какая-то неопрятная женщина, похожая на бывшую актрису, быстро и чуть не со скандалом заполнила нужные документы и укатила в город. Мальчик остался с Романом, Машей и Ларисой – вожатыми девятого отряда.

Взрослые смотрели на него с опаской и любопытством, не зная, чего от него ожидать. Детдомовскими детьми молодых педагогов пугают так же, как во время Второй мировой войны немецких солдат и офицеров пугали Восточным фронтом. Но мальчик оказался тихим и спокойным. Он доброжелательно стоял рядом с вожатыми и встречал вновь прибывших детей. Вожатые облегченно вздохнули и подумали, что с этим ребенком у них проблем не будет.

Они жестоко просчитались. Не то, чтобы Ваня действительно оказался отъявленным злодеем. Нет. По-своему он был добрым и нормальным мальчиком. Но за очень короткий срок он умудрился стать в отряде полным изгоем, которого возненавидели все дети. А ведь им никто не сообщал, что Ваня – детдомовец. Начальник лагеря это строго-настрого запретил. Но дети, словно сами разгадали своим особым детским чутьем, что Ваня непохож на них, что он среди них чужой. Они окрестили его между собой обидным прозвищем – назвали его «Синей шапочкой» за то, что он никогда не расставался с панамкой, которая была на самом деле вовсе и не синяя, а скорее серая, но мальчишек подобные мелочи не интересуют. Синяя – значит, синяя!

Роман же про себя называл его Волчонком.

Ваня не мог смириться со своим положением. Он оказался лишен всякого страха, которым наделяют дети, когда оказываются рядом с теми, кто сильнее их.

Когда началась смена, Роман с удивлением увидел, как дети, оказавшись в коллективе, начали сложную и опасную борьбу за власть. Первые три дня ни на минуту не прекращались драки. Мальчишки выясняли, кто из них самый сильный. Как в звериной стае.

В эти дни складывалась мальчишеская иерархия. Через четыре дня порядок восстановился сам собой. Роли были распределены, и поменять что-либо было уже ни в чьих силах. Только если вдруг появится новый претендент на самые высокие посты в армии восьми и девятилетних сорванцов...

Все прекрасно вписались в эту схему. Каждый получил то, что заслуживал. Кого-то наверх привели сила и ловкость, умение драться, кого-то острота ума и языка, а кого-то просто веселый и общительный характер.

Лишь один ребенок остался в стороне этих перемещений.

Это был Ваня Никаншин.

Дети не признали за ним ни одну из ролей. Ни мальчишки, ни девочки.

Роман долго не мог понять, почему это произошло. Мальчик прекрасно дрался, и ни кому не давал себя в обиду. Но его обижали.

Дети очень жестоки. Если никто из них не может справиться с тем, кто не нравится всем, то на него нападают всем гуртом. Именно таким образом Ваню Никаншина стали травить сразу же в первые дни смены, а затем он стал всеобщим врагом. Врагом, с которым борются без пощады.

Параллельно он так же быстро сумел настроить против себя и вожатых. Всех троих. Роман опять даже не успел понять, как и когда это произошло. Воспитатель всегда подсознательно строит для себя свою собственную иерархию детского коллектива. Конечно, у него свои критерии, в основном, они касаются непосредственных отношений между воспитателем и воспитуемым. Роман быстро выделил для себя любимчиков, которые всегда бывают у педагогов (что бы об этом ни говорила педагогическая наука, но жизнь все равно распоряжается по-своему), с которыми ему было легко и приятно работать. Естественно, что в их число Ваня Никаншин не попал. Он был единственным, кого из детей Роман недолюбливал. Вожатый даже сам не мог сказать, почему именно. Наоборот, в первые дни, наблюдая, как

дети травят и преследуют сироту, он встал на его сторону и стал следить за тем, чтобы это не переходило рамок дозволенного. Мальчик даже нравился ему своим независимым и упрямым характером, стремлением, во что бы то не стало утвердить среди ровесников свой авторитет. Но у него не получалось. Роман видел это и даже сочувствовал Ване, и в то же время прекрасно понимал, что сделать это тому не удастся. Он не обладал гибкостью характера в отношениях с детьми. Совершенно не мог хитрить или каким другим образом скрывать свои недостатки. Он не был жадным и злым ребенком, но везде и во всем хотел быть первым, и это у него не получалось. Тогда он срывался и пытался в своих неудачах отыграться на сверстниках, но те не давали ему этой возможности, а дружно вступали с ним в схватку.

Если Ваня дрался с кем-то из отряда, то его никто не поддерживал, все болели за его противника. Роман знал, что это такое, когда в драке за тебя никто не болеет и все желают тебе поражения. Как правило, поражение и следует. Ваня, хоть и отлично владел кулаками, пожалуй, даже слишком хорошо для восьми лет, но его слабым местом была борьба. В ней он всегда проигрывал. Достаточно было Ваниному противнику преодолеть барьер из его кулаков и схватиться с ним вплотную, как легкий и маленький Ваня проигрывал любой бой. А вокруг с торжеством визжали зрители. Пощадить маленькому гладиатору никогда не давали и оставляли его лежать в пыли сполна испробовать горький хлеб поражения. Но, глотая соленые злые слезы, он поднимался и снова бросался в бой. И снова проигрывал.

Вначале Роману это даже нравилось – он испытывал уважение к непокорному мальчику. Но потом ему это быстро надоело.

Как и все люди, Роман скоро перестал понимать неординарность ребенка. Вернее не столько понимать, сколько одобрять ее. Он просто не хотел этого. Где-то там, в глубине души, понимание осталось, а на поверхности были лишь раздражение и неприязнь.

Ваня мешал Роману спокойно работать. Это и стало той непреодолимой стеной, которая выросла между молодым человеком и ребенком. Какой нормальный вожатый сможет вытерпеть постоянные драки в своем отряде? Роман и прозвал мальчика Волчонком за то, что тот не смог ужиться среди людей. Иногда он все-таки вспоминал, что мальчик один на всем белом свете, и ему становилось его жалко, но потом происходила еще одна драка – и Роман забывал об этом. Особенно сурово он наказывал Ваню, когда тот обижал девочек. Этого он простить не мог никому, хотя прекрасно сознавал, что в девяти из десяти случаев виноваты сами девчонки. Они доводили мальчика до того состояния, когда он распускал кулаки, и потом бежали жаловаться вожатым. Роман был уверен и внушал Ване, что девочек нельзя бить ни при каких обстоятельствах. Мальчик обиженно сопел и молчал. По глазам его было видно, что он не согласен с Романом. Именно этого он больше всего не мог простить Волчонку.

Сначала он просто невзлюбил Ваню, а потом его неприязнь перешла во что-то, похожее на ненависть.

Что касается девочек, то, по правде говоря, женский пол он и сам не очень жаловал. Даже с напарницами Машей и Ларисой у него сложились не очень теплые отношения. С самого начала он их немного игнорировал, а девушки этого очень не любят, и поэтому они в свою очередь и к Роману стали относиться с прохладой. А ему было все равно. Он возился с мальчишками и не обращал на косые взгляды напарниц внимания. И с девочками из своего отряда он не больно играл, будто даже стеснялся их немного, особенно когда они неслись к нему с какой-нибудь жалобой, называя его при этом по имени отчеству. Они упорно называли его Романом Сергеевичем, как он, смущаясь, представился детям в первый день смены. Мальчишки уже через три дня попросили у него разрешения называть его просто Романом и быстро перешли на «ты», а вот для девочек он так и остался важным взрослым дяденькой, хоть таковым и не был. Поэтому вожатый относился к девочкам не по-свойски, а так, как относятся к детям школьные учителя, с опаской и недоверием.

* * *

– Что ты опять натворил?

Ваня, как всегда стоял, насупившись, и с внутренним напряжением наблюдал за действиями вожатого. Словно тот мог его ударить. Роман еще раз подумал, что этого мальчика кроме как Волчонок, действительно, никак не назовешь.

– Сейчас тихий час, – продолжил допрос Роман, – что ты натворил такого, что Мария Васильевна привела тебя ко мне?

Роман спрашивал вяло, прекрасно сознавая, что мальчик отвечать не будет. Впрочем, все было ясно и так. За что еще могут наказать мальчика в тихий час? Только за то, что он не спал.

– Ну ладно, – Роман вздохнул так, словно Ваня совершил убийство, – если ты не хочешь спать, то не спи. Но мешать спать другим я тебе не дам. Стой здесь.

С этими словами он поставил мальчика в угол носом к стенке, а сам снова улегся в постель. Закрыв глаза. Услышал, как мальчик запыхтел и пошевелился. Роман готов был спорить на что угодно, что тот отвернулся от стены. Слегка приоткрыл глаза, чтобы удостовериться. Так оно и было. Ваня действительно отвернулся от стены. В другой раз Роман обязательно бы заставил его повернуться обратно, но сейчас не было сил. Он просто лежал и смотрел на Волчонка Ваню из-под прикрытых век.

В мальчике не было даже намека на раскаяние. Наоборот он был полон желания бороться со всем миром, населенным детьми и взрослыми.

Роман в десятый, наверно, раз подумал, что он ничего не знает об этом мальчике, кроме того, что он из детдома и зовут его Ваня Никаншин. Всегда ли он был сиротой или нет, этого Роман не знал. А знать бы хотелось. Может, тогда бы он смог поближе узнать этого мальчика? Понять его... Простить... Такой, в сущности, славный малыш! Однажды, когда во время одной из первых драк Ваня упал в кусты шиповника и его, истекающего кровью, но не издавшего ни стоны, Роман отвел в медпункт и там чуть ли не с ног до головы выкрасил йодом. На обратном пути они разговорились. Роман понял тогда, что Ваню волнуют не только драки, а еще и многие другие прекрасные вещи. Например, герои войны, про которых давно не говорят даже на пионерских съездах. Впрочем, и самих пионеров уже давно не было. Остались только галстуки в шкафах бывших пионерских вожатых. А этого мальчика интересовали пионеры-герои. Те самые, которые боролись с фашистами. Но путь от медпункта до отряда оказался слишком коротким. Дослушать рассказ Вани Роман не успел, его закрутили обыденные вожатские дела, и потом он так и не смог вернуться к этому разговору.

Сейчас была такая возможность. Но, как и раньше, Роман не воспользовался ею. Ему было неудобно. Даже перед маленьким мальчиком. Он не любил лезть в чужие дела. Вожатый вздохнул и закрыл глаза. Когда он уже начал проваливаться в сон, услышал еще один тихий шорох. Роман понял, что Волчонок опустил на корточки. Дети всегда так делают, когда ставишь их в угол и перестаешь следить. Но он и не думал открывать глаза, снова просыпаться и наводить порядок.

Но спать, когда рядом стоит или сидит наказанный ребенок, может только последний негодяй или садист. Роман таковым не был и поэтому сон у него незаметно куда-то улетучился, Остались лишь раздражение и досада человека, которому не дали поспать. Но мстить Ване за то, что он не дал ему отдохнуть, вожатый не собирался. Роман давно заметил, что к каждому ребенку в отдельности он относился с поразительным снисхождением. Сейчас рядом не было других детей, следовательно, можно было и пропустить мимо себя обязательное наказание провинившегося, чтобы неповадно было другим. Роман вообще не любил наказывать детей, поэтому сейчас ему казалось, что стояние в одних трусах на холодном

полу даже в сандалиях было, пожалуй, слишком суровым наказанием. Никого другого Роман так бы не наказал. И тут вожатый поймал себя на мысли, что он просто расплывается с ребенком за свое бессилие перед ним же.

Роману стало обидно. Он снова почувствовал, как откуда-то изнутри начала появляться злость. Даже не злость, а непонятная сила, которая очень редко, но овладевала им и полностью подчиняла себе. В такие минуты Роман совершал такие поступки, которых потом стыдился и не мог забыть. Еще немного, и эта сила расправится с мальчиком, и Роман даже не успеет ничего сделать, чтобы предотвратить это.

«А ведь я тоже волк, как и этот Волчонок», – вдруг подумал он.

И от этой мысли Роману стало не по себе.

Злость накалилась. Роману стало страшно. Злость поднималась откуда-то снизу, из области живота...

«Сейчас Волк разорвет Волчонка», – снова пронеслась в голове мысль, а вслед за первой тут же появилась и вторая. – «Нет! ВОЛКИ НЕ ЗАГРЫЗАЮТ ВОЛЧАТ!».

Роман резко поднялся с постели.

Ваня испуганно вздрогнул и тоже встал на ноги.

Кулаки Романа сжались. В глазах помутилось. А мозги прожигала одна единственная мысль:

«ВОЛКИ НЕ ЗАГРЫЗАЮТ ВОЛЧАТ! ВОЛКИ НЕ ЗАГРЫЗАЮТ ВОЛЧАТ!»

Роман увидел испуганные глаза мальчика. Он никогда не видел, чтобы дети так смотрели на него.

«ВОЛКИ НЕ ЗАГРЫЗАЮТ СВОИХ ВОЛЧАТ!»

Ваня задрожал.

«Волчонок, – подумал Роман. – Он даже дрожит как щенок».

Кровать под ним громко закричала. Это привело Романа в чувство.

– Что это было? – спросил он.

– Где? – это сказал Ваня. Страх еще не исчез с его лица.

Роман поднял на Ваню слегка помутневшие глаза и посмотрел на него с удивлением, словно не мог понять, что он тут делает. Наконец он окончательно пришел в себя и сказал:

– Иди в палату.

Дважды просить себя Волчонок не заставил. Он исчез быстро и незаметно. Роман облегченно вздохнул и повалился в постель.

– Это все от недосыпания, – пробормотал он.

* * *

Волчонок прибежал в комнату, в которой жил вместе с тремя мальчиками, забрался в кровать и с опаской огляделся вокруг. Это была одна из его постоянных привычек. Оглядываться. За год, что он прожил в детдоме, Ваня этому очень хорошо научился. Опасность была всюду и могла догнать и свалить с любой стороны.

Остальные мальчики крепко спали. Ага, так, значит, он и вправду мешал им спать? Ваня разозлился.

– Гады, – буркнул он.

Ему захотелось опять разбудить их и устроить какую-нибудь потасовку. Он даже дернул ногой и перевернулся на спину.

И тут же почувствовал, как его постель стала мокрой и холодной. Ваня как ужаленный выскочил из-под одеяла. Труссы были мокрые насквозь, а на простыне растекалось огромное темное пятно, которое появилось благодаря целлофановому пакету, наполненному водой.

Раздалось громкое торжествующее ржание.

Не долго думая, Волчонок бросился на ближайшего соседа Максимку Зайцева и нанес ему кулаком удар в челюсть и тут же сам получил удар куда более сильный и увесистый. Максимка был в лагере не один. В одном с ним отряде находился его старший брат Антон, которому было одиннадцать лет. Антон был мальчик спокойный и не вредный, но за брата он вступался всегда.

Ваня отлетел к стене и тут же бросился в новую атаку уже на обоих братьев. Но врагов было уже трое. В драку вмешался третий. Дениска Ладынин.

* * *

Вечером начальник лагеря собрал всех работников в методкабинете на внеочередную планерку. Такого еще ни разу не было. Планерки проводились каждое утро, были, к счастью, короткие, так больше для видимости.

Два года назад Роман тоже работал в этом лагере, тогда еще в пионерском. Порядок был железный. Шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте. Работать было трудно, но с другой стороны и легко. Порядок был как при социализме. Утром трубит труба, поднимают флаг, гремят барабаны, дети все пересчитаны, и ни одного постороннего на территории лагеря. Все было как в аптеке. Роман порядок не любил, но уважал, а в работе с детьми считал просто-напросто первой необходимостью.

Когда на заводе, на котором он работал, и которому все еще принадлежал лагерь, ему предложили поработать все лето с детьми, он сразу согласился. Предложение было выгодным. В лагере он будет получать зарплату после каждой смены, а здесь не увидит ее еще полгода. Опыт у него был. Человек он был не глупый. С детьми ладит нормально. Два раза уже работал в этом же лагере, сразу, как только демобилизовался из армии.

Когда он начал работать в «Буревестнике» этим летом, то поразился, увидев, как изменилось здесь все за два года. Это был тот же лагерь и в то же время не тот. От прежней жизни не осталось и следа. Несколько дней понадобилось Роману, чтобы увидеть, что современный детский оздоровительный лагерь в сто раз хуже, чем его захудалый, еле державшийся на плаву завод, на котором кроме поголовного пьянства и безделья, ничего хорошего не было. Здесь же ко всему этому прибавился, чуть ли не содомический разврат, от которого у Романа, когда он это все увидел, волосы встали дыбом. Разврат процветал среди обитателей лагеря. Он был тихим затаившимся и незаметным днем, и буйным, циничным и совершенно бесстыдным ночью. Своими щупальцами он опутал каждый куст и уголок территории. Им занимались все! И взрослые и даже дети. Вожатые, повара, медсестры и спортивный инструктор с плавроком. И, конечно же, дети, которым, не хватало опыта, шли за его приобретением к «старшим товарищам», которые никогда не отказывали в учебе. А сам лагерь был похож на проходной двор. Кого тут только не было! Любой бомж и просто пьяница, которому негде и не с кем было выпить, мог спокойно завалить в лагерь и ночевать в нем, ходить в столовую и даже жить по неделе, а то и по две. Никого это не волновало. Всем на все было наплевать.

А дети, вернее подростки видимо были собраны с самого дна общества. Это потом уже Роман понял, что сейчас в лагерь посылают детей только те родители, которым нужно от них избавиться хотя бы на лето. Поэтому было в норме вещей, что лагерь с самых первых дней превратился в публичный дом, где любой желающий мог удовлетворить свои физиологические потребности. Сексуальная революция, которая дошла и до нашей страны, в первую очередь вовлекла в свои ряды подростков. Они с гордостью и радостью подняли ее флаг и ринулись в сексуальные сражения.

На Романа через две недели окружающие стали смотреть с жалостью и с пренебрежением, потому что он не переспал ни с одной девочкой из третьего или четвертого отряда, которым было по одиннадцать или двенадцать лет. Старшие девочки на него внимания и

вовсе не обращали. Хотя Роман не был плох собой, он избегал всякого общения с девочками, девушками и женщинами старше девяти лет. Ему совсем не хотелось, чтобы однажды ночью, кто-то постучал в его дверь, и после того, как этому кому-то, открыли, он тихо проскользнул бы к нему в постель и стал требовать нежных ласк для своего, еще не развившегося тела.

Роман благодарил бога, что ему достались малыши, которые таких хлопот не доставляли, а наоборот сами требовали, чтобы их оберегали от всего этого.

Вожатый узнал, что в других отрядах некоторые малыши стали жертвами старших детей, и к своему отряду подросткам не давал приблизиться даже на десять метров. Он не собирался отдавать им напрокат тех детей, которых не навещают родители, за бутылку водки, как это делали другие вожатые под видом «шефской помощи».

Насилие среди детей существовало, и все об этом знали, но делали вид, что ничего подобного нет в лагере. Как районные отделения милиции рапортуют, что успешно борются с детской преступностью в криминально-неблагополучных районах, что, в сущности, там никакой такой особой преступности не существует, а вся шумиха просто поднимается учителями, которые сами не справляются с подростками, так было и тут. Конечно, сексуальное насилие не было массовым и всеобъемлющим, но оно существовало и имело свои незащищенные жертвы. Роман понимал, что уже ничего не сможет изменить в этой ситуации, и ограничил свою правозащитную деятельность вверенным ему девятым отрядом.

Теперь он сидел в уголке методкабинета, стараясь быть невидимым для большинства собравшихся, и думал о том, какая весомая причина заставила встрепенуться этот гадюшник. То же самое обсуждали и все присутствующие, многим из которых не терпелось разогнать своих детей по кроватям и начать очередную хмельную и веселую ночь.

Планерка началась. Как всегда, встал вечно потеющий и утирающий лысину начальник лагеря, который еще два года назад был великолепным «сталинским соколом», а теперь напоминал выжатую половую тряпку, и начал речь.

– Вас наверно удивляет, что я собрал планерку вечером, – сказал он.

Раздались смешки и первые недовольные реплики, за которые раньше смельчакам досталось бы на орехи.

– Но дело, действительно, очень важное. Иначе бы соответствующие органы не стали ставить нас в известность и бить тревогу. Да, товарищи, мы тоже не должны закрывать глаза...

– Хватит волынку тянуть! – выкрикнул кто-то. – Что случилось-то?

– Я даже не знаю, что и сказать, – замялся начальник лагеря. – В моей практике такого никогда не случалось. История прямо-таки удручающая...

Он окончательно заинтриговал присутствующих, и даже пустые девичьи разговоры прекратились. Больно уж растерянный и удрученный был у начальника голос.

Кто-то опять выкрикнул, что наверно закрывают лагерь и всех лишают зарплаты. Шутника никто не поддержал. Все ждали, что скажет начальник. А тот опять протер огромным платком лысину и, откашлявшись, продолжил:

– В наших лесах объявился волк. Хищник огромных размеров...

Эта фраза действительно привела слушателей в шок. Люди ожидали чего угодно, но только не этого. Некоторое время в воздухе стояла томительная тишина. Потом одна молоденькая вожатая из отряда шестилеток, практикантка из пединститута, вдруг громко вскрикнула:

– Ой, мамочка!

И тишина разрушилась громкими восклицаниями, в которых были страх и недоверие, смех и возбуждение от находящейся рядом опасности. Лица молодых и взрослых людей, наверно, впервые за этот месяц стали серьезными и озабоченными. Но только на первое время. Потом снова стали раздаваться смешки и глупые реплики. Стали вспоминать

сказки, Красную шапочку, волка и семерых козлят, кто-то из парней даже попробовал завывать. Девушки набросились на него с кулаками. Начальнику с великим трудом удалось восстановить относительную тишину. Когда он снова получил возможность говорить, то неожиданно вдруг окрепшим голосом, в котором вновь прозвучали стальные нотки, объявил:

– Шутки шутками, а я вынужден объявить в лагере чрезвычайное положение!

Кто-то присвистнул.

Начальник грозно сверкнул очами. Он не смотрел так на подчиненных уже очень давно. Его взгляд действовал устрашающе, и порядок был наведен.

– С этой минуты, – грозным голосом продолжил начальник лагеря, – ни один человек не может покинуть территорию лагеря без моего личного письменного разрешения. Ни один человек! Если за территорией лагеря окажется ребенок, то наказан будет вожатый или воспитатель из отряда, в котором этот ребенок числится. Наказание будет очень суровым, вплоть до выговора и увольнения. Сейчас каждый в обязательном порядке примет письменное обязательство, где черным по белому напишет, что... в общем, я продиктую...

Далее была процедура написания расписки, которая по сути своей меняла весь образ жизни в лагере.

* * *

Роман вернулся в отряд и проверил все палаты с детьми. На всякий случай пересчитал. Все были на месте. Маша и Лариса посмотрели на него после этого с жалостью.

– Думаешь, кого-нибудь волк унес?

Роман промолчал и ушел в свою комнату. Девчонки хмыкнули и презрительно переглянулись. Они искренне считали, что им не повезло с напарником. Он, конечно, работает, но лучше бы он больше бездельничал и больше смотрел на них. У других девчонок парни что надо, не то, что у них. Все это вожатый прекрасно знал, но это его несколько не волновало. Зайдя в комнату, он повалился на постель и тут же уснул. Про планерку он уже не помнил, про волка тоже. Сон навалился на него всей своей тяжестью и заставил забыть обо всем на свете.

Утром он встал, как обычно в половине шестого и, быстро умывшись, отправился на планерку. Маша с Ларисой уже были в методкабинете и болтали с кем-то из парней. Планерка прошла быстро. Еще не до конца проснувшиеся вожатые и воспитатели больше не реагировали так бурно на рассказ начальника про волка, который шныряет вокруг скопища детских лагерей и выискивает себе жертву среди детей. Он что-то еще рассказывал о действиях милиции, егерей и вызванных из города опытных охотников на волков.

– В общем, так, товарищи, пока волк не будет пойман, мы с вами будем находиться в лагере, который находится на осадном положении, – закончил он речь.

Он еще немного бубнил про ответственность, которую несет каждый из них, но потом наступило время подъема, и все разошлись по отрядам.

Среди детей весть о появлении волка разнеслась с моментальной скоростью. Неизвестно откуда они узнали, но лагерь стал похож на гудящий улей. Все с упоением обсуждали случившееся. Вожатые поняли, что для них наступили тяжелые времена. Удержать ораву мальчишек, которые стали рваться в лес, чтобы поймать волка, было невероятно трудно. А управлять детьми, которых уже успели распустить, стало почти не под силу. Пришлось всем, как и начальнику лагеря, припомнить, как это делается, и взять в руки вожжи. Дети, естественно, ответили возмущением, а подростки тут же подняли самый настоящий бунт. В лагере началась война. Еще недавно либеральные педагоги, которые позволяли питомцам ходить на головах, стали вдруг тиранами и угнетателями. В один миг между детьми и взрослыми выросла стена непонимания.

Только в девятом отряде не произошло никаких изменений. Роман с самого начала смены навел среди своих детей строгую, но справедливую дисциплину, и поэтому ему не пришлось перестраиваться, как другим. Все шло своим чередом. Мальчики играли в футбол, девочки бегали друг за другом и постоянно ябедничали вожатым обо всем, что происходит в отряде, и кто что вытворяет. Словом, жизнь была размеренная и без особых впечатлений один день.

На следующий день одна маленькая девочка увидела волка.

В лагере поднялась настоящая паника. Вожатые бегали по территории, собирали детей и загоняли их по палатам, а сами вооружались, кто чем мог. Вокруг каждой дачки сновали наспех созданные отряды самообороны с лопатами, ломami и дубинами. В них естественно были только представители сильного пола. Они обшарили каждый куст и каждый уголок, но ничего кроме огромного количества использованных презервативов и разбитых бутылок не нашли.

Наступила ночь. На небе показалась круглая луна. Лагерь невозможно было узнать. Если раньше после отбоя жизнь в нем только начиналась, то теперь, казалось, лагерь вымер. Ни одного человека не было на улице. И взрослые, и дети сидели в дачах, окна которых были закрыты ставнями, а двери не только заперты на замок, но еще и подперты надежными палками или какими-нибудь инструментами.

Начальник лагеря сидел в своем кабинете и молил бога, чтобы волка не нашли как можно дольше, ну и естественно, чтобы он не вздумал в самом деле оказаться на его территории.

В комнатах вожатых разговоры и мысли, конечно, были другие. Одни утверждали, что начальник нарочно придумал эту историю про волка, чтобы навести в лагере с ее помощью порядок, другие говорили, что волк существует на самом деле, и лучше быстрее эвакуировать лагерь в город. Разговоры приправлялись водкой и нехитрой закуской, а потом сменялись занятиями сексом.

Нельзя за один день искоренить устоявшиеся привычки. Можно лишь загнать их в подполье.

Только в девятом отряде вожатые вели монашеский образ жизни. Роман проверил запоры, окна и двери, и когда удостоверился, что все в порядке, занялся проверкой детей. Маша и Лариса наотрез отказались иметь с ним какие-либо дела, заперлись у себя и стали о чем-то тихо шушукаться, изредка в их комнате раздавались взрывы смеха. Роману на них было плевать. Он начал с палат, где жили девочки, и в первой же ему пришлось задержаться. Девочки дрожали от страха и стали умолять вожатого посидеть с ними. Он посидел немного с ними, рассказал какие-то старые смешные истории. Так прошел целый час. Девочки из других палат узнали, что в первой сидит вожатый, и стали требовать, чтобы он пришел и к ним. Никто не хотел спать. Все хотели, чтобы вожатый был с ними. Мальчики тоже расшумелись и стали кричать, что они тоже боятся волка. Вожатый должен быть и с ними. Оказалось, что пока Роман возился с девочками, мальчишки от страха собрались в одной палате по двое-трое в одной кровати и рассказывали друг другу страшные истории и до того сами себя напугали, что Роману стало их жалко. Но поддаваться слабости он не собирался, велел всем разойтись по местам.

Вот после этого и случилось то, от чего у Романа стало холодно и противно в груди. Когда он разогнал мальчишек по постелям и пересчитал их, то обнаружил, что одна кровать осталось пустой и даже не разобранной.

Это была кровать Вани Никаншина.

С безумием в глазах Роман ворвался к напарницам и напугал их чуть не до смерти страшным сообщением. Они, как и он вначале не поверили в случившееся.

– Может, он где-нибудь спрятался? – спросила Лариса. Губы у нее дрожали, руки тряслись.

Стали всем отрядом искать Ваню. Роман очень быстро заметил, что братья Максим и Антон, а также Дениска Ладынин, мальчики из палаты, в которой жил Ваня, ищут не очень старательно. Словно уверены, что в даче Никаншина нет. Он сразу понял, что у них с Ваней опять что-то произошло. Не теряя ни минуты, Роман отвел их в свою комнату и учинил строгий допрос. Мальчишки и сами были всерьез напуганы, поэтому не стали ничего скрывать, и рассказали вожатому, что у них случилось.

Про их очередную драку из-за пакета с водой Роман уже знал. Тогда он встал на сторону Никаншина и наказал братьев и Ладынина, впрочем, не очень строго. Но он так редко вступался за Ваню, что в этот раз остальным мальчишкам это очень не понравилось. И они стали травить Никаншина с новой силой. Ваня, конечно же, оказал им сопротивление, и тогда, наученные кем-то из ребят из старшего отряда, они устроили ему темную. Вечером, когда он вошел в спальню и разделся, был выключен свет, на него накинули простыню и...

Роману чуть не стало плохо, когда он это услышал.

– Мы его не сильно били, – чуть не плача говорил Дениска. – Мы хотели пошутить, а он после этого взял и ушел на улицу. А потом ты дачу уже запер...

– Почему вы мне сразу не сказали? – закричал на них Роман.

Мальчишки стояли перед ним виноватые и жалкие. В одних трусах и босиком. Шмыгали носами и смотрели в пол.

– Где теперь его искать? – сам себя вслух спросил Роман.

– Да тут он вокруг дачи ходит, в окошко стучит, пугает, – успокаивающим голосом сказал Антон.

– Ага, – подхватил Дениска, – волком воет. Мы тебе просто не говорили.

– Давно он убежал? – уже более спокойным голосом спросил Роман.

– Не очень. Как раз перед тем, как ты начал окна закрывать.

– Господи! – простонал вожатый. – Он же там, наверно, уже умер от холода! Он хоть оделся, когда убежал, или прямо так?

– Прямо так, – буркнули мальчишки.

– Убью! – неизвестно, кому крикнул Роман и бросился к двери.

Когда он выскочил из дачи, с шумом и грохотом открыв дверь, то на углу дома сразу увидел Ваню.

Мальчик тоже его увидел и бросился в темноту.

– Никаншин, стой! Остановись! – крикнул Роман и помчался за ним вдогонку.

В темноте почти ничего нельзя было разглядеть, но Ваня действительно был лишь в одних трусиках, и они белели в ночи маленьким бледным пятнышком. Роману это дало возможность не потерять мальчика из виду и продолжать преследование. Бежать было невероятно трудно, тем более что мальчик не выбирал дороги, а это ему с его малым ростом было намного легче, чем вожатому. Один раз Роман даже потерял его из виду и, запыхавшись, остановился. Стал оглядываться вокруг и вслушиваться в тишину. Сразу услышал, как где-то слева трещат сучья и ветки. Кинулся туда.

– Ваня! – Роман еще раз решил сделать попытку дозваться мальчика.

Мальчик не остановился.

– Стой, дурачок, я тебе ничего не сделаю! – Роман был готов на все, чтобы вернуть Волчонка. Он несколько на него не злился и, конечно, меньше всего на свете думал о том, что у него будут из-за мальчика неприятности по работе.

Волчонок ему и в этот раз не поверил: уж слишком грозный топот раздавался за его спиной. Дети не верят словам, они верят только своим чувствам. В этот раз чувство обмануло Волчонка, поэтому он бежал. Слышал за собой прерывистое дыхание вожатого и бежал.

Роман уже готов был схватить ребенка за плечо и остановить, но что-то толстое попало ему под ноги, и, чертыхнувшись, он повалился на землю. Когда вожатый встал, мальчик снова был далеко. Мелькнули в темноте его белые трусы и тут же пропали.

«Там же лес, – подумал вдруг Роман – куда его черт несет?»

Он встал и поплелся в ту сторону, куда убежал Ваня. Наткнулся на деревянный забор. В темноте не сразу нашел всем в лагере известную дырку, с трудом пролез в нее и очутился прямо в лесу.

В ночном лесу.

Обернулся назад и увидел на заборе маленький белый лоскуток. Значит, он не ошибся: Ваня удрал в лес, оставил на заборе кусок своих трусов, наверно очень спешил. Роман снова прислушался. Видимо у него был талант на ловлю детей. И он услышал мальчика. Даже не услышал, а словно почувствовал и уверенно пошел. Не побежал, а пошел. Ночью в лесу не побегаешь.

* * *

Восьмилетний мальчик тоже долго не смог бегать по ночному лесу. Когда он оказался в самой гуще кустов и деревьев он остановился. Настала пора оглядеться и привести в порядок мысли.

Ваня огляделся и только сейчас понял, что вокруг него лес и очень темно.

И СТРАШНО.

И ОЧЕНЬ ТИХО.

Мальчик заплакал. Он даже не мог понять, как здесь очутился и почему бежал от Романа. Ему захотелось вернуться в отряд к противным и ненавистным мальчишкам, нырнуть в постель и поплотнее завернуться в тонкое лагерное одеяло...

НО ВОКРУГ БЫЛ ЛЕС.

Ваня от страха даже не мог придумать, в какую сторону он должен идти. Но стоять в лесу ночью было так страшно, что он пошел туда, откуда, как ему показалось, прибежал.

Он хотел крикнуть и позвать Романа, но голос его не слушался. Он лишь тихо что-то провыл и пискнул, как мышка. Ему было очень холодно. Кожа покрылась пупырышками, и даже прикасаться к себе было неприятно: от этого становилось еще холоднее. По земле было больно идти. В босые ноги постоянно что-то впивалось. Ребенку казалось, что его оставили здесь в лесу очень давно, а на самом деле прошло не больше двух минут. Глаза стали привыкать к темноте. Но лучше бы они продолжали ничего не видеть. Деревья и кусты, которые днем кажутся такими знакомыми и безобидными вдруг превратились в чудовищ, которые жаждут человеческой жизни...

Вдруг неожиданно стало светлее. Это в пространство между кронами деревьев заглянула луна. Белый луч упал на мальчика и вырвал его из тьмы леса. Но от ее света стало еще страшней. Ваня громко заплакал. Слезы вдруг прорвались сами собой. Лес огласился детскими рыданиями.

Но плакать Ване пришлось всего несколько секунд.

Голос пропал, и все звуки застряли в горле. Ваня почувствовал, что сейчас сделает то, что в его возрасте мальчишкам делать уже не полагается, – опишется.

Любой другой на его месте, даже совершенно взрослый мужчина, получил бы разрыв сердца.

Мальчик увидел глаза. Два глаза. Они внимательно смотрели на него из темноты.

И ГОРЕЛИ.

А ЗА НИМИ БЫЛО ЧТО-ТО БОЛЬШОЕ И ТЕМНОЕ.

Теперь и вспомнились все разговоры про волка.

Глаза приблизились.

– Мама! – тихо сказал Ваня.

Он не описался. Он просто повалился на землю.

Прямо на волка.

Волк увидел, что на него падают, и отошел в сторону.

Ваня упал рядом.

Волк подошел к лежащему мальчику и наклонил свою морду прямо к его лицу.

В темноте блеснули белые клыки.

Волк стал обнюхивать человеческого детеныша. Запах ему был незнаком, но почему-то приятен. Он даже чихнул, после того как засунул свой нос мальчику в ухо. Затем...

...затем лизнул его в лицо.

ВОЛКИ НЕ ЗАГРЫЗАЮТ ВОЛЧАТ.

Этот волк тоже не собирался сделать Ване ничего плохого. Он не собирался ЗАГРЫЗАТЬ ЭТОГО ВОЛЧОНКА. Он просто захотел взять его с собой и осторожно, как это умеют делать только волки, стал примериваться пастью к его плечу.

«Какой большой волчонок – мог бы подумать волк, если бы он умел думать, – сразу и не ухватишь».

Но тут шерсть на нем стала дыбом. Волк почувствовал опасность. Эта опасность с шумом приближалась к нему.

* * *

Когда в ночи раздался детский крик, Роман бросился в его сторону, не разбирая дороги, и один раз опять упал. Но крик оборвался так же неожиданно, как и начался. Вожатому стало невыносимо тоскливо от предчувствия чего-то страшного и необратимого. Собрал все силы, он пробежал еще десяток шагов, после чего оказался на открытом и освещенном лунной месте.

В первую секунду Роман остолбенел. Ему показалось, что его вырвет от того, что он увидел. Но страха никакого не было. Даже тогда, когда он понял, что с Ваней все кончено. Вряд ли человек может подумать другое, увидев ребенка в пасти волка...

Волк дернулся и зарычал. Он стоял над лежащим мальчиком и был готов вступить за него в борьбу с кем угодно.

Роман тоже не собирался отступать. Он сделал шаг вперед, готовясь к схватке не на жизнь, а на смерть.

Волк ошетинился и подал назад...

Это все досужие домыслы, что волки нападают на людей. Волк никогда не нападет на человека, даже если тот залез в его логово и крадет волчат. Волки единственные хищники, которые не защищают своих детенышей от человека.

Он бы ушел обратно в лес, но Роман сделал еще один шаг вперед и, видимо, сделал слишком резкое движение правой рукой. Волк издал звук, похожий на тот, который издают собаки, когда люди пинают их в бок, и бросился на человека.

Человек сделал шаг в сторону, он даже сам не понял, как это произошло, но волк промахнулся.

Так бывает. Очень редко, но бывает.

Волку стало стыдно. Он заскулил, как щенок, и исчез в лесу.

Только после этого Роман почувствовал невыносимую боль в правой руке, словно ее обожгло раскаленным железом. Рукав рубашки стал горячим. Он понял, что это кровь...

Но ему было не до себя. Несколько секунд Роман простоял, не решаясь подойти к поверженному ребенку. Он никогда не видел мертвых детей и очень не хотел, чтобы это произошло. Но надо было идти. Может еще не все кончено?

Надежда зажгла слабый огонек в душе Романа, и он подошел к мальчику.

Ваня лежал на спине. Роман увидел его бледное лицо, и не столько умом, сколько каким-то седьмым чувством понял, что мальчик жив...

Человек редко испытывает истинное настоящее чувство радости. Наверно, всего несколько раз в жизни. Роман сейчас испытал именно такую радость, когда взял на руки уже начавшего приходить в себя Ваню.

Мальчик застонал. Роман прижал его к себе и подумал, что больше ни за что не даст его в обиду. Никому. Люди всегда полны благородства к тем, кого они спасли.

– Теперь все будет хорошо, – пробормотал вожатый, обращаясь то ли к себе, то ли к ребенку.

* * *

– Смотри, волк! – закричал младший лейтенант Терентьев.

Двое его напарников завертели головами и тоже увидели волка. Тяжело дыша, он бежал к реке.

– Может, это собака? – спросил рядовой Арсентьев.

– Какая тебе собака? – уже шепотом сказал младший лейтенант. – Смотри, как у него, гада, хвост струится прямо по земле. У собак он всегда вверх торчит. А ну за ним!

Выхватив пистолеты, милиционеры побежали за волком.

Тот бежал не спеша, словно делал это просто для собственного удовольствия. Бежал красиво и плавно. Казалось, его лапы даже не касаются земли. Даже когда Терентьев выстрелил в него, он ни на йоту не увеличил скорости.

Видимо, младший лейтенант промахнулся. Из-за того, что он сделал это перед подчиненными, милиционер разнервничался и промахнулся еще два раза. А ведь он был лучший по стрельбе во всем отделении!

– Ах ты, зараза! – выругался он и побежал за волком во всю силу своих легких.

Двое его рядовых Арсентьев и Егоров бежали за ним. Они не стреляли, только пыхтели, стараясь не отстать от командира и не потерять его из вида. Они не могли понять, зачем это нужно – гоняться за волком или за собакой ночью, когда можно пойти куда-нибудь отдохнуть после утомительного вечернего дежурства.

Но лейтенант бежал. Охота захватила все его естество. Им овладел азарт. Он был азартным человеком.

Тишину ночи прервали еще два пистолетных выстрела, перебудив детей и всех остальных обитателей близлежащих лагерей, которых здесь было как грибов.

Только теперь волк побежал быстрее. И все-таки он не свернул в лес, который был всего лишь в десятке шагов от него, а с еще большей уверенностью устремился к реке.

Зачем понадобилась волку Волга?

Волки не могут жить без воды. Неужели он так хочет пить?

Обо всем этом на ходу думал младший лейтенант, во что бы то ни стало поклявшийся убить зверя.

Вот и река. Огромная и величественная. Ночью она кажется еще шире, чем днем.

Волк с шумом бросился в воду и поплыл.

Через несколько секунд на том месте, где волк вбежал в воду, уже стоял Терентьев. Он тщательно прицеливался в темневшее в воде движущееся пятно.

Остальные милиционеры сильно отстали. Они уже не бежали, а шли, тихо проклиная свою жизнь. Когда прозвучали три выстрела, они вздрогнули.

– Полгода работаю с младшим, а все не могу привыкнуть к его выходкам, – поделился с Арсентьевым Егоров.

– Что ты хочешь? – сказал ему Арсентьев, – УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ кого-то, как он там говорит?

Когда он подошли к младшему лейтенанту, тот стоял, чуть ли не по колени в воде и всматривался в темноту.

– Не пойму, то ли попал, то ли нет, – тихо проговорил он себе.

– Ладно, лейтенант, – утешил его Егоров, – завтра утром около плотины найдут твою собаку с целой обоймой в брюхе, и получишь ты свою премию.

Терентьев уловил в его словах издевку и взбесился.

Рядовой Егоров! – истеричным голосом закричал он, – не смейте со мной так разговаривать!

Егоров не стал с ним препираться. Младший лейтенант работал всего несколько месяцев, а уже прослыл довольно вредным и обидчивым офицером. Егоров просто отошел в сторону. В данном случае он очень хорошо понял, почему младший лейтенант так расстроен. . .

Арсентьев оказался хитрее. Он тоже минуту всматривался в воду, а потом уверенно сказал:

– Не, точно вы попали, товарищ младший лейтенант. Вон она плывет, ваша собака.

– Да не собака это, – уже более спокойным голосом сказал Терентьев, – а волк. Сколько вам говорить?

* * *

Неприятности начались у Терентьева на следующий же день.

Сначала жена ему устроила скандал по поводу его несвоевременного возвращения домой, на два часа позже обычного, и ничего не хотела слушать про дежурство и внеурочные. А ведь жена офицера милиции! Когда же он попытался рассказать ей про волка, то она пришла в ярость, думая, что теперь он над ней издевается напрямую.

В подавленном настроении он пошел на работу, и был, как громом оглушен приказом майора Емельянова отправиться на плотину Н-ского водохранилища и заняться найденным там утопленником.

Терентьев никогда еще не имел дел с трупом. Ему заранее стало нехорошо. С ним опять ехали Егоров и Арсентьев. Теперь они смотрели на младшего лейтенанта без снисходительности. Такое бывает с каждым милиционером, когда он идет на свое первое дело с трупом. А некоторые так и не смогли к этому привыкнуть, и для них это стало трагедией их работы.

Естественно, что Егоров и Арсентьев и сами не были счастливы от перспективы возиться с покойником, да еще с утопленником. Каждый ехал с гнетущим чувством и пытался отвлечься хоть самым пустым разговором.

На плотине их встретили парни, работающие на электростанции. Они возбужденно что-то говорили, но до Терентьева почти не доходил смысл их речей. Милиционеры прошли на низенькую пристань, которая уходила в воду прямо у плотины. Там уже колдовали осводовцы.

Терентьев увидел голую ступню белую, как мел, и пошатнулся. Егоров его поддержал. Женщина из подразделения суд медэкспертизы уверенно прошла мимо них и стала задавать присутствующим вопросы. Защелкал фотоаппарат.

Прозвучало слово «убийство». Оно подействовало на Терентьева, как удар молнии. Он понял, что пора брать себя в руки и подошел к эксперту. Это была очень крупная и уверенная

в себе баба, без каких бы то ни было эмоций делавшая свое дело. Ее вид подействовал на младшего лейтенанта отрезвляюще. Он тоже достал папку для протокола, вытащил ручку и взглянул на утопленника.

Это был мужчина невысокого роста. Совершенно голый. Он лежал на спине.

– Отлично выглядит, – как бы, между прочим, сказала Терентьеву эксперт. – Утонул этой ночью, не раньше. А ну переверните его на живот.

Ее помощник наклонился над трупом, взял его за плечи и перевернул.

– Так, – эксперт удовлетворенно хмыкнула, – на лицо пулевые раны. От пистолета. Стреляли на дальнем расстоянии. Тебя как зовут-то, молодой? Записывай, слышь? Ты чего застыл? Пиши. Я, что ли, за тебя писать буду?

Терентьев дрожащей рукой стал выводить какие-то каракули в протоколе, потом не выдержал, позвал Арсентьева и приказал ему заполнять протокол вместо него.

– Труп, наверно, в город увезут? – спросил он на обратном пути Егорова. Он его хоть и недолюбливал, но все равно считал более опытным в службе человеком.

– Туда. А сегодня вечером телек смотри. Покажут его портрет, может, его жена и признает.

Егоров засмеялся.

Терентьев отвернулся от него и стал смотреть в окно мчавшейся «Волги».

Прошло несколько дней, и младший лейтенант уже начал забывать про дело с трупом. Ему повезло: труп оказался безобидный. Он слышал про случаи, когда ребятам приходилось иметь дела с телами уже полуразложившимися, вздувшимися или расчлененными. Его труп, как сказала баба эксперт, был как огурчик – чистенький и свеженький. Только две маленькие дырочки в спине.

Впрочем, это уже дело уголовного розыска.

К несчастью, дело это оказалось для Терентьева совсем не чужим. Таким не чужим, что ближе не бывает. Дорого обошлась младшему лейтенанту ночная погоня за волком...

Все началось, когда его неожиданно вызвал к себе полковник Викторов, начальник областного отдела. Он сидел в кабинете вместе с майором Емельяновым, и, когда Терентьев вошел, они оба воззрились на него с нескрываемым любопытством.

Далее между ними произошел длинный и очень странный для Терентьева разговор, суть которого заключалась в том, что как показали данные различных проверок, человек, которого нашли в Волге несколько дней назад, был застрелен из пистолета Макарова. Далее проверка показала, что этот пистолет, из которого был убит найденный в реке мужчина, являлся табельным оружием с серийным зарегистрированным номером. Терентьев почувствовал, как у него из под ног начала уходить земля, когда полковник Викторов сообщил ему, что это его, младшего лейтенанта Терентьева, оружием был застрелен утопленник...

– А теперь, дорогой, – сказал, грузно садясь в кресло, полковник, – пока ты здесь среди своих, расскажи нам, как все это произошло и с каких это пор милиционеры стали отстреливать неизвестных мужчин.

Терентьеву нечего было сказать. Он не понимал, что с ним происходит, что ему говорят, и чего хочет от него добродушный полковник Викторов. Он смотрел на своих начальников взглядом, полным такого выразительного недоумения, что будь перед ним кто-нибудь другой, он бы никогда не поверил в тот бред, который про него несли. Но полковник Викторов и майор Емельянов были стреляные воробьи. Они не собирались верить честным глазам младшего лейтенанта.

– Так, значит, ты не стрелял три ночи назад, если я тебя правильно понял? – спросил полковник Викторов.

– Так точно, стрелял, – подавленно сказал Терентьев. – Но я стрелял не в человека...

– Вот как? – полковник оживился. – А в кого же тогда?

– Так точно, товарищ полковник. Не в человека. Я стрелял в волка.

Полковник даже крикнул.

– В волка? В какого такого волка? Ты что нам голову морочишь?

– Никак нет. В волка. У нас же до сих пор тревога не свернута по поводу волка.

– Ага, кажется, начинаю понимать, – пробормотал полковник после того, как Емельянов что-то долго ему нашептывал. – Свидетели есть?

– Так точно. Рядовые Егоров и Арсентьев. Они были со мной, когда я стрелял.

Далее стражи порядка еще что-то долго говорили между собой. Вызвали Егорова и Арсентьева, допросили их и долго думали, что же все-таки произошло. И что это за мужик, которого нашли в Волге. Но этот вопрос так и остался неразрешенным. Зато у Терентьева, Егорова, Арсентьева и их начальников целый месяц болела голова по поводу ночных выстрелов.

Но этим история Терентьева только началась. Он с того дня, как узнал, что его пули убили незнакомого человека, затосковал и понемногу стал отключаться от происходящих вокруг него событий. Люди начали замечать за ним странности. Он стал заговариваться и нести разную чушь. Говорил что-то про волка, про утопленника. В конце концов в милиции стали собирать на него документы, чтобы с почетом отправить на пенсию по инвалидности. Как никак, но он был двоюродным племянником генерала Кочубова...

Но провожать его на пенсию не пришлось. С младшим лейтенантом произошел несчастный случай, глупый, как все несчастные случаи. Когда он вечером пошел в дежурный магазин, чтобы по приказу жены купить свежего белого хлеба, на него накинулась огромная бездомная собака. Несчастный младший лейтенант бросился от нее наутек, выбежал на дорогу и был сбит грузовиком, ехавшим на высокой скорости. В больнице «скорой помощи», куда его привезли, он и скончался. Пришел в сознание перед самым концом, широко открыл глаза и закричал на склонившихся над ним врачей:

– Волки, волки! Я не стрелял! Не стрелял!..

И умер.

В газете даже поместили некролог с сообщением о его смерти.

* * *

Маша и Лариса встретили Романа на улице перед дверью в дачу. Они и в самом деле были напуганы невероятно. Когда увидели вожатого с мальчиком на руках, облегченно вздохнули и обрадовались совершенно искренне. Когда вошли внутрь и увидели, что Роман истекает кровью, то снова страшно испугались, но не растерялись и тут же принялись за дело.

Они все четверо, Роман так и не выпустил из рук съездившегося Ваню, вошли в его комнату, и девушки сразу занялись и мальчиком и вожатым.

Ваня почти не пострадал. У него на плече красовались три крупные царапины, и больше на нем, как не искали дотошные вожатые, ничего не было. Даже ступни ног не побились во время бега по земле, усыпанной сосновыми иголками и шишками.

Зато Роман пострадал очень серьезно. Кровь из его раны на руке лилась ручьем.

– Где это тебя так? – с участием спросила Романа Маша.

– Волк, – ответил тот.

Глаза девушек расширились от изумления.

Роман в нескольких словах рассказал, что с ним произошло.

Он сделал это без всякого желанья похвастаться, просто он только сейчас окончательно понял, что с ним и Ваней случилась удивительная история. Он рассказывал обо всем девочкам, а ему казалось, что все это было не с ним, а с кем-то другим. И вовсе не он вытащил

мальчика, можно сказать, из пасти волка. Такое бывает только в кино. В жизни такого не бывает...

Рана на руке, однако, говорила о другом. Царапины на плече мальчика тоже.

Девушки очень неплохо обработали рану и забинтовали Роману руку. Ване тоже досталось. Лариса выкрасила его йодом, и он стал коричневым, как негритенок. Царапины на плече мальчика были крупные, но неглубокие. Практически он отделался только испугом.

Когда закончили с ранами, стали обсуждать, что делать дальше. Сообщать про случившееся начальнику лагеря или не сообщать? Вопрос был сложный и деликатный. Все трое, вернее все четверо, нельзя забывать про Ваню, понимали, что для них это может кончиться трагически. Кое-кому раскаяние грозило увольнением или выговором, кое-кого за бегство после отбоя обязательно отчислят из лагеря и вернут в интернат... Никого такая перспектива не устраивала.

Через несколько минут разговора решили это дело похоронить в собственном архиве и не доводить его до общественности. Это всех устраивало. С Вани взяли слово, что он не будет распространяться о волке среди детей и взрослых. Мальчик, который все еще дрожал от испуга, охотно поклялся, что будет нем, как могила.

Все, казалось, было улажено, и компания уже готова была разойтись, но тут Маша вдруг что-то вспомнила и недобро посмотрела на Романа и Ваню.

– Мы забыли самое главное.

– Что?

– Волк, – трагическим голосом сказала Маша. – Он ведь вас, получается, укусил. Он укусил вас? Укусил?

Роман не понимал, что так удивляет напарницу, но вынужден был с ней согласиться.

– Укусил.

– И Никаншина укусил? Укусил? Говори. Ты же говорил, что волк держал его в зубах. Держал?

– Держал...

– Конечно, держал, – уверенно сказала Лариса. – У него все плечо в следах от его зубов. Как это он не успел...

– Вот об этом мы уже молчать не можем, – Маша сказала это таким трагическим голосом, что всем, кто ее слышал стало не по себе.

– О чем ты говоришь? – спросила ее Лариса.

– Бешенство, – уже спокойным, но обреченным голосом сказала Маша.

– Что ты имеешь в виду?

Машу действительно никто не понимал.

– Какие же вы глупые! – она даже возмутилась. – Волк, или кто там был, мог быть бешеным! Если это так, то вы оба, – она кивнула на Романа и Ваню, – через две недели умрете от бешенства.

На лицах мальчика и Романа появилась растерянность.

Это действительно была проблема.

Вожатые понимали, что, пожалуй, им придется идти на покаяние к начальнику лагеря в надежде на помилование. По комнате пронесся вздох разочарования. Несколько минут все томительно молчали. Вдруг, когда уже никаких предложений не было, Лариса хлопнула себя ладонью по лбу.

– Кажется, я знаю, как это уладить! Тебе, Роман, надо завтра самому во время тихого часа зайти в медпункт и сказать, что вас с Никаншиным укусила собака. Незнакомая собака. Она бежала мимо и напала на Ваню. Ты, Роман, его спас, но она вас успела покусать. И все это произошло перед завтраком. То есть завтра. Так что в принципе этого еще не произошло. А Ваня эту ночь переночует у тебя в комнате, чтобы мальчишки ни о чем не узнали. Мы

им скажем, что нашли Никаншина на чердаке. Так что получится, что он никуда из дачи и не убежал.

Все посмотрел на Ларису с восхищением. Особенно Ваня Никаншин. Он никогда не видел, чтобы взрослые, да еще и педагоги, так здорово ввали.

План Ларисы оказался гениальным. Только...

Только со следующего дня Роман и Ваня Никаншин, взявшись за руки, отправились в медпункт, где им обоим после небольшого допроса сделали прививку от бешенства. Очень большую прививку. И мальчика, и вожатого просто согнуло после того, как игла выходила из их животов.

– Посидите на кушетке, отдохните, – посоветовала им врач лагеря Анна Васильевна, – а завтра приходите в это же время.

– Завтра? – Роман был поражен. – Зачем?

В страдающих глазах Вани стоял тот же вопрос.

– Как зачем? На прививку.

– На какую прививку? – пролепетал Роман.

– От бешенства. Что ты удивляешься, Рома? Мы только начали курс. Еще тридцать девять уколов.

– Тридцать девять уколов! – Роман только сейчас вспомнил, что от бешенства и в самом деле делают сорок уколов в живот. Это знает каждый ребенок. Вожатый почувствовал, как в ужасе прижался к нему Ваня, и посмотрел на него с сожалением.

Ваня увидел в глазах вожатого немой упрек и понял, что тот тоже боится уколов.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ УКОЛОВ.

Так они стали товарищами по несчастью.

Это было их ПЕРВОЕ НЕСЧАСТЬЕ.

Дни пошли один за другим. Так как больше о волке не было слухов, лагерь начал понемногу успокаиваться. Но начальник лагеря, пользуясь тем, что не было никаких сообщений о поимке или ликвидации хищника, чрезвычайное положение не отменял. Это, конечно, вызывало сильное недовольство и среди детей, и среди взрослых, но он был непоколебим как скала, отчего некоторые самые отъявленные нарушители дисциплины даже его зауважали.

Роман и Ваня Никаншин аккуратно каждый день ходили на прививку. Ежедневные страдания их сильно сблизили. Роман строго настроил запретил детям приставать к Ване и неуклонно за этим следил. Но и сам Ваня сильно изменился после той ночи. Он стал намного спокойней в отношениях с другими детьми. Претензий на лидерство больше в нем не наблюдалось. Ребенка словно подменили. Он перестал драться, спорить и ссориться со всеми подряд и даже стал избегать детского общества, предпочитая ему одинокие прогулки по территории лагеря. Он мог часами сидеть в кустах и о чем-то подолгу размышлять. Когда дети все-таки делали попытки вывести его из себя, то у них ничего из этого не получалось. Ваня просто не обращал на них никакого внимания. В конце концов, от него отстали. Он стал жить спокойной и размеренной жизнью. Если, конечно, жизнь восьмилетнего мальчика можно назвать размеренной. В общественной жизни он никак себя не проявлял, не участвовал ни в каких мероприятиях, в игры включался неохотно, и очень часто пропадал из поля видимости вожатых. Романа это особенно не волновало. Ваня перестал плохо себя вести, и теперь вожатый на него почти не обращал внимания. Он вспоминал про него только, когда надо было отправляться на прививку от бешенства.

Ох, как надоели эти каждодневные мучения! Живот превратился в какой-то сгусток боли, которая не покидала ни на одну минуту в сутки и напоминала о себе даже во сне. Каждый раз, когда они шли в медпункт, Роман заглядывал Ване в глаза и спрашивал:

– Страшно?

– Страшно, – каждый раз честно признавался мальчик.

– И мне страшно, – вздыхал Роман. – Но за глупости надо платить. И мы с тобой платим сполна. Пошли.

И он опять брал мальчика за руку, словно опасался, что тот может убежать, и они шли принимать мучения.

Кончилась первая смена. Началась вторая. Роман поменял напарниц. Теперь он работал не с Машей и Ларисой, а лишь с одной девушкой. Начальник считал, что будет слишком жирно, если некоторые вожатые все три смены будут работать по трое на отряд, Девушку звали Олей. Она была чертовски мила и привлекательна. Даже Роман оценил эти ее качества и перестал быть букой, каким был прежде.

Ваня Никаншин опять был в отряде Романа. Он сам пришел к нему в начале смены и попросился в его отряд, теперь уже десятый. Роман удивился, но мальчика принял. Ему было даже немного приятно, что Ваня пришел к нему после того, как имел столько неприятностей от Романа в первую смену. Он открыл в мальчике еще одно качество: Ваня не был злопамятен.

В десятом отряде дети были еще младше, чем в девятом, и у Романа забот прибавилось. Дети были кто после первого, кто после второго класса и еще не постигли все сложности жизни без родителей. Роману и Оле было нелегко вдвоем уследить за ними, и тут у них неожиданно появился помощник. Это был Ваня.

Среди детей, которые были на год-два его младше, Ване с легкостью удалось утвердить свой авторитет. К тому же и сами они подобрались в этот раз совсем уж несамостоятельные, и стать среди них лидером Никаншину было совсем нетрудно. Да и сам он уже не очень стремился к власти среди детей.

Но недели через полторы, после начала смены случился странный случай, который немало поразил Романа.

Кто-то из старших ребят начал приставать к одному совсем маленькому и слабенькому мальчику и так его запугал, что тот даже не осмеливался рассказать об этом вожатым. Максимка, так звали этого мальчика несколько дней терпел издевательства малолетнего негодяя, пока свидетелем одной из таких сцен не стал Ваня Никаншин. Мальчишка, вернее даже подросток был на две головы выше Вани, но того это не остановило. Как, молния кинулся он на обидчика и вцепился ему в глотку. Подросток закричал, словно на него налетел не малыш, а дикая кошка, и подоспевшие вожатые, которые были поблизости, освободили его из объятий Никаншина. Естественно началось следствие. Всех троих допрашивали Роман, Оля и вожатый с воспитателем из того отряда, в котором был «преступник».

Ваня молчал как партизан. Ни на какие вопросы не отвечал. Другой мальчик раскололся моментально. Как и все подонки, он оказался полным трусом. В его глазах, когда он стал рассказывать, как на него набросился Никаншин, стоял такой невыразимый ужас, что его даже сильно и не наказали, велели только, когда его навещают родители, отвести их к начальнику лагеря.

Никаншина Роман не стал наказывать, потому что не видел для этого повода, а за то, что он вступился за младшего, похвалил. Ваня никак не отреагировал на похвалу, но Роман увидел в его глазах какую-то недетскую грусть. Это его встревожило. Не должны быть у детей такие грустные глаза, даже если они и несчастны. Теперь Роман твердо решил поговорить с мальчиком. Отношения у них были отличные. Почему бы и нет?

– Пойдем, поговорим, – сказал он ему как взрослому.

Ваня не сказал ни слова, но покорно поплелся за вожатым в его комнату.

– Что с тобой происходит? – спросил Роман мальчика, как только они оказались вдвоем. – Ты в последнее время какой-то не такой. Ты не болен, Ваня?

Ваня пожал плечами. Роман даже потрогал ему лоб. Так, на всякий случай. Температуры у ребенка явно не было.

– Так что же с тобой?

– Ничего.

Самый распространенный мальчишеский ответ.

– Нет, с тобой явно что-то происходит, – Роман чувствовал, что навязывается, и от этого ему было очень неприятно, но и отступить не хотелось. Он должен понять, почему ребенок так изменился. – Мне кажется, что тебе здесь не нравится. Это так?

Ваня опустил голову, и вожатый понял, что его догадка верна. Надо же, но Роман этому нисколько не удивился. Очень редко детям нравится быть далеко от родителей с чужими, чаще всего совершенно равнодушными к ним, людьми.

– Тебе в детдоме лучше? – осторожно спросил он.

От этого вопроса мальчик так вздрогнул, словно его только что сильно ударили по лицу. Он на миг взглянул Роману в глаза, и вожатый понял, что такой вопрос он больше никогда никому не задаст. Он много бы дал, чтобы и в этот раз не произносить его.

Разговор не клеился. Не получался. Он походил на обычный диалог между ребенком и воспитателем, в котором нет ни грамма искренности, только желание прекратить его, как можно скорее.

– А где бы ты хотел быть?

– Не знаю. Ничего я не хочу.

– Ну, уж этому я тебе ни за что не поверю, братишка, – Роман взял Ваню за руки и приблизил к себе. Заглянул в глаза. – Совсем ничего?

Мальчик глядел на Роман уже умоляюще. Видимо этот разговор ему был совсем не в состоянии. Вожатый подумал, что вместо душевной беседы он просто устроил Ване какую-то моральную пытку с глупыми и навязчивыми вопросами, на которые он и сам бы никому не стал отвечать.

– Ладно, – вздохнул Роман, – иди, Волчонок.

Он и сам не понял, как это у него вырвалось.

Ваня, который уже направился, было к двери, услышав, последнее слово, повернулся и внимательно посмотрел на вожатого. Он сжал кулаки, выставил их перед собой, разжал, заскреб в воздухе пальцами и вдруг прорычал:

– Р-р-р!!!

Так просто, без всякой злобы, как нормальный ребенок, КОТОРЫЙ ИГРАЕТ В СОБАКУ.

И даже показал свои маленькие белые зубки.

Романа это позабавило. Неожиданно для себя он вдруг тоже прорычал:

– Р-р-р!!!

И он тоже выставил перед своим лицом ладони с раскрытыми и приготовившимися схватить пальцами. Мгновение, и Ваня оказался в объятиях Романа. Он нисколько не испугался. Видно было, что это ему очень нравится. Когда лицо Романа приблизилось с открытым ртом к лицу мальчика, тот счастливо засмеялся и сквозь смех опять прорычал:

– Р-р-р!!!

– Р-р-р!!! – прорычал в ответ Роман.

А потом волчонок завыл:

– У-у-у!!!

И, обняв Романа, опять засмеялся.

Роман тоже засмеялся.

– Ты тоже повой, волк Роман, – попросил Ваня.

Роман повыл и подумал, что будет, если вдруг кто войдет в его комнату и увидит, чем он занимается? Но ему было так хорошо, что он забыл обо всем на свете и завыл:

– У-оу-у!!! – очень здорово у него это получилось. Ваня даже застыл от восторга.

Обычная детская игра. Так часто играют маленькие мальчики со своими отцами или старшими братьями.

Как игру воспринял ее и Роман.

А вечером ему стало невыносимо тоскливо и почему-то захотелось куда-то убежать. Не важно куда. Лишь бы бежать. Долго, долго, пока не устанут ноги, и не прервется дыхание.

Он встал около двери после того, как все дети были в постелях, и задумался. Так задумался, когда нет никаких мыслей, только хаотические цветные образы. Без всякой логики. Он думал и не видел, как неподалеку остановилась Лариса, та самая, с которой он работал в прошлую смену. Лариса шла в дачу, где ее ждал плаврук, и туда же должна была прийти и Маша. Увидев Романа, она остановилась, потому что что-то в нем показалось ей странным. Когда она поняла что, ей стало жутко. Мурашки побежали по ее спине.

ГЛАЗА РОМАНА СВЕТИЛИСЬ.

Не отражали свет, а именно СВЕТИЛИСЬ. САМИ ПО СЕБЕ ОНИ ГОРЕЛИ ЖЕЛТЫМ ОГНЕМ.

Лариса пошла прочь и вдруг увидела, как из окна дачи, около которой стоял Роман, на нее взглянули еще два желтых огонька.

– Ой, мамочка! – прошептала Лариса и побежала прочь. Через несколько секунд она поняла, кому принадлежали два других огонька. Это был Никаншин. Ваня Никаншин. Лариса была в этом уверена. Она превосходно видела в темноте, Почти как кошка. Это точно был Ваня. Мальчик, который был в ее отряде в прошлую смену...

Сначала ей стало страшно, но потом она прибежала в комнату плаврука, там было светло, весело, и она быстро забыла о том, что видела. Утром она даже посмеялась над собой. Мол, какая она трусиха и чего только не видит в темноте от страха!

Роман проснулся с невыносимой головной болью. Он с трудом разлепил глаза и поплелся умываться. Около одной палаты он остановился. Оттуда доносился чей-то стон. Роман готов был спорить на что угодно, что это плачет Ваня. ЕГО ВОЛЧОНОК. Он открыл дверь и вошел. На кровати, у окна катался, сжав руками колени, Ваня Никаншин. Плакал действительно он. Роман подошел, и сердце его сжалось от жалости к нему. Он вспомнил, что мальчику тоже каждый день делают больную прививку в живот. Он и сам вспомнил про свою боль и поморщился.

Ваня увидел, что он не один и замолчал. Поднял заплаканное лицо и прижался к Роману, словно тот мог снять его боль.

– Живот болит? – Роман погладил Ваню по голове.

– Нет.

– Нет? – Роман удивился. – А что ты реवेशь?

– Голова, – простонал Ваня.

– Голова? – Роман почувствовал, как в его голове тоже взорвалась очередная бомба. – Надо же, у меня тоже болит голова. Очень сильно. Ну не плачь, это от духоты. – В комнате было невероятно душно. – Пойдем, умоемся холодной водой, а потом я тебе дам таблетку, и ты немного полежишь. Все пройдет.

Потом, когда это все было сделано, он немного посидел около Ваниной постели.

– Не легче? – спросил он, чтобы не молчать.

– Легче, – сказал Ваня, но было видно, что говорит он это просто так, чтобы успокоить Романа.

– А у меня все еще болит, – вздохнул вожатый.

– Роман, – прошептал вдруг мальчик, – можно я сегодня не пойду на прививку?

– Ну, уж нет, брат, – вожатый был непреклонен. – Тут я ничего не могу поделать. Думаешь, мне приятно ходить на укол каждый день? Совсем нет. Я тоже страшно боюсь уколов.

– Правда? – не поверил Ваня.

– А то?

Тут труба продудела подъем, и их разговор прервался.

А после завтрака они опять пошли на прививку.

Это была уже двадцать пятая прививка. Осталось еще пятнадцать. Первым, как всегда, сделали укол Роману, потом Ване.

Было как никогда больно. Роман сжал зубы, когда лекарство стали вводить внутрь, чтобы не закричать.

Ваня так не смог. Он громко закричал и расплакался, и Роману пришлось долго держать его у себя на коленях и ждать, когда ему станет лучше. Он заглянул ему в глаза и увидел, что зрачки мальчика от боли стали маленькими точками. Он, казалось, даже ничего не видел.

– Странная реакция, – пробормотала врач Анна Васильевна и сунула Ване в рот таблетку валидола. Потом посмотрела на Романа и дала таблетку и ему.

Чуть не шатаясь, мальчик и взрослый вернулись в отряд. Роман уложил Ваню в кровать, укрыл одеялом и долго сидел рядом. Потом ребенок уснул, свернувшись под одеялом комочком, и даже во сне вздрагивал и всхлипывал. Роман сидел рядом и с трудом приходил в себя. Вошла Оля. Она быстро поняла, что с ними происходит что-то неладное, но спрашивать ни о чем не стала.

– Ему стало плохо после укола, – сказал Роман, поймав ее взгляд. – Я посижу с ним. Мало ли что... Справишься без меня?

– Конечно, – ответила Оля. – А ты как себя чувствуешь? На тебе лица нет. Ты очень бледный.

– Я чувствую себя лучше, чем он, – Роман кивнул на Ваню.

– Тебе тоже нужно поспать, – сказала Оля и пошла работать.

– Не думаю, что мне хочется спать, – сам себе сказал Роман, но, посидев немного около Вани, он и впрямь почувствовал, что его клонит в сон.

Во сне ему приснился волк.

Он смотрел на Романа и не двигался с места. И так очень долго. Желтые глаза зверя словно проглотили человека, и Роман вдруг понял, что он больше не человек, а волк. Он влез в шкуру волка, и ТЕПЕРЬ ОН ВОЛК.

Когда он проснулся, Ваня уже не спал. Он сидел, с любопытством смотрел на Романа и улыбался. Роман немного еще находился в состоянии сна, когда же проснулся окончательно, то обнаружил, что превосходно себя чувствует. Голова не болела, и даже не было никакой боли в животе. По сияющему лицу мальчика он понял, что и у того все в порядке. Но он все-таки на всякий случай спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – ответил Ваня. – У меня даже живот не болит.

– Не болит?

– Не болит. Знаешь, кто мне приснился?

– Кто?

– Ты.

– Я? – Роман удивился.

– Да ты. И я. И еще знаешь кто? – мальчик не стал ждать ответа. – Волк. Тот самый.

И будто мы с тобой тоже превратились в волков.

– В каких волков? Что ты несешь?

– Ну, вернее, в волка превратился ты.

– Я?

– Да, ты. А я превратился в волчонка. И будто мы с тобой играли, а потом ты пошел на охоту и принес мне мясо. Мы с тобой ели сырое мясо! Здорово, да? Скажи «Р-р-р!»

– Это все из-за прививок, – сказал мальчику вожатый. – Нам их с тобой столько вкололи, что поневоле волком завоеешь, и во сне его будешь видеть.

– Давай поиграем, – снова попросил Ваня. – Р-р-р!

– Давай в следующий раз. Сейчас мне некогда.

Ваня загрустил.

– Тебе пора на охоту, да?

– Да, – Роман улыбнулся. – Большой волк должен работать. У него целый отряд маленьких волчат, и за ними всеми надо следить, чтобы их никто не обидел.

– Можно я буду звать тебя Волком? – вдруг спросил мальчик.

Вожатого это нисколько не удивило. Он ожидал от Вани чего угодно, так что эта просьба была вполне невинной.

– Зови. Только тогда, когда никто не будет тебя слышать кроме меня. Ладно?

– Ладно. А ты меня зови Волчонком. Будешь?

– Буду.

– Ура! – закричал Ваня. – Теперь мы с тобой волки!

Когда Роман встретил Олю, то она посмотрела на него так, словно никогда не видела.

– Что с тобой? – спросила она тревожным и приглушенным голосом.

– А что? – Роман не понимал ее.

– Что с твоими волосами?

– Не понимаю, а что с ними? – Роман потрогал свою голову.

– Посмотри в зеркало.

Роман пошел в свою комнату и посмотрел в зеркало. Да, Оля была права. С волосами у него не все было в порядке. Вообще-то они были нормальные, такого же цвета, сероватого невыразительного, как у большинства.

Но они были длинные. Очень длинные. А ведь он ходил в парикмахерскую две недели назад. Из зеркала же на Романа смотрел тип, который не стригся наверно полгода.

Тут в комнату заглянул испуганный Ваня.

– Волк! – позвал он Романа.

Вожатый даже вздрогнул. Он еще не привык к такому обращению.

Ваня зашел в комнату, и Роман увидел, что и у мальчика были такие длинные и спутанные космы, как у Маугли в детских книжках. Впрочем, это придавало мальчику даже какую-то свою прелесть. Он стал еще миловиднее. Но вряд ли это кто-нибудь поймет. А если Ваню таким увидит начальник лагеря, то им с Олей влетит по первое число! Разводить хиппи в лагере не разрешалось. Дети, конечно, за лето обрастают, как овцы на тучных лугах, но не до такой же степени.

Роман посмотрел на довольного Ваню, потом еще раз на себя в зеркале, вздохнул и полез в сумку за ножницами.

– Неужели это тоже от прививок? – вслух подумал он, когда начал стричь Ваню. – Что она нам такое вливает? А, Волчонок? Может, над нами опыты, какие ставят?

Волчонок промолчал. Он явно не был доволен, что его стригут. Ему, видимо, понравилось быть похожим на Маугли.

Оля ахнула, а остальные дети громко рассмеялись, когда увидели Никаншина и Романа. Вожатый оказался бездарным цирюльником. И он, и его жертва были похожи на два чучела из музея ужасов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.